

У Митяя в кармане звякнуло — пришло сообщение, и тут же мой мобильник повторил этот звук, точно эхо. Мы с братом одновременно достали телефоны и синхронно вздохнули:

— Лизка...

— У тебя что? — спросила я.

— У меня: «Хочу манго!» — а у тебя?

— А у меня: «Проследи за Митяем!» — как интересно... — Я озадачилась, а братец напрягся.

У них с Лизаветой вообще-то идиллические отношения. Сюси-муси и все такое.

Звяк! Звяк!

Мне пришли необходимые пояснения: «Чтоб купил манго» и «А не авокадо, как в прошлый раз».

— А, вот в чем дело: я должна проследить, чтобы ты не взял авокадо вместо манго, — я успокоила брата и велела: — Поворачивай, нам нужно в гипер. Только там сейчас может быть это чертово манго.

Митяй охарактеризовал злосчастное манго совсем уж непечатно, но на ближайшем пере-

крестке послушно развернулся, и мы поехали в круглосуточный гипермаркет.

Лизкины желания братец чтит даже больше, чем Уголовный кодекс, а это что-то да значит, потому как Митяй у нас участковый.

Лизавета же приходится ему законной супругой, а мне лучшей подругой.

Мы с ней так близки, что даже замуж вышли в один день — по-моему, это доказывает, что настоящая женская дружба существует. Ведь обычно невеста желает быть главной и единственной героиней праздника под названием «свадьба». Жених не в счет, он в традиционном понимании не столько герой, сколько жертва. Гости мужского пола смотрят на него с сочувствием, женского — с завистью или злорадством, и все без исключения думают одно и то же: «Попался!»

Почему-то считается, что узы брака — вожденный дамский аксессуар, мужчинам они вроде как ни к чему. Хотя наши с Лизкой условно молодые супруги (им обоим уже под сорок) очень, очень хотели на нас жениться.

Митяй перед Лизаветой даже на колени встал, держа наперевес помолвочное кольцо в лучших рыцарских традициях!

У нас с Андреем все получилось проще и притом оригинальнее: предложение руки и сер-

дца было озвучено мимоходом, чуть ли не на бегу, и, кажется, сделала это я. Не помню точно, я тогда очень нервничала, потому как вместе с мужем получала и сына, а это, согласитесь, обязывает.

Тишке сейчас два года, из них восемь месяцев он жил в Доме ребенка, а три последних — в семье старшего брата Андрея, Максима Сололова, который оформил над мальчиком опеку.

Это непростая и безрадостная история: Андрей не был женат на матери Тишки, о ребенке узнал, сидя в тюрьме, куда попал по ошибке, и только теперь, сняв незаслуженную судимость и наладив личную жизнь (читай — женившись на приличной женщине — это на мне, ясен пень), может добиться разрешения забрать себе сына. Тогда у нас с Андреем и Тишкой будет полная семья.

А у Лизки с Митяем тоже скоро появится ребенок: моя подруга умудрилась забеременеть в кратчайшие сроки и теперь изводит заботливого мужа капризами. То ей селедку в сахаре подавай, то вот манго среди ночи вынь да положи...

— Манго-манго, манго-манго, а я маленький такой, — озабоченно бормотал Митяй, катаясь по проходу в фруктово-овощных рядах и цепко оглядывая дары чужедальней природы.

Я шла следом, умиляясь и хихикая: Митяй не столько маленький, сколько кругленький, и озабоченность в его исполнении выглядит пре-забавно.

У моего двоюродного брата изумительные голубые глаза, белесые брови и очень светлые пушистые волосы. Посмотришь — одуванчик, а не мужик! Хотя на самом деле Дмитрий Палыч Синеглазов товарищ очень серьезный, надежный и основательный.

— Лясь, глянь, это же оно? — Митяй обернулся ко мне, поморгал вопросительно.

— Угу, молодец, ты не ошибся, это именно манго. — Я помогла брату выбрать спелый фрукт, и мы потопали к кассе, но шли не быстро, потому что по пути Митяй делал остановки, подбирая спелому манго подходящую знойную компанию.

В итоге вышли мы из гипермаркета с тяжелым бугрящимся пакетом, из которого задорно торчал колючий зеленый хвост ананаса. Кроме него и заказанного Лизкой манго были куплены мандарины, апельсины, помело, хурма и личи.

— В названии фрукта «помело» ударение ставится на «е», а не на последнее «о», — сообщила я брату, когда мы уже сели в машину.

Как филолог и журналист, я вижу свою миссию в том, чтобы просвещать темные массы.

— Серьезно? — искренне удивился полномочный представитель темных масс участковый Синеглазов. — А я думал, это то самое помелó, с которым Баба-яга летала в ступе.

— Какая связь? — не поняла я.

— Прямая! Прикинь, таким снарядом с высоты на бреющем полете бабахнуть! Прибьет не хуже бомбы! — объяснил Митяй.

— Логично, — согласилась я. — Но вообще-то помелó — это метла.

— А вот это как раз нелогично, — заспорил братец. — Зачем кому-то в воздухе метла? Какая от нее там польза?

Разговор принимал интересный оборот.

— Возможно, метлой Баба-яга пользовалась не в воздухе, а в момент взлета или посадки? — предположила я. — Для толчка или, наоборот, как тормозом?

Митяй посмотрел на меня уважительно:

— А ты соображаешь, Ляська!

Я расправила плечи. Чутьочка похвалы периодически нужна каждому, а уж мне-то, нынче балансирующей на краю бездны уныния, она просто жизненно необходима!

Строго в продолжение темы полетов: мы с Митяем как раз ехали из аэропорта, где проводили в дальний путь большое семейство Соколовых.

Мой муж Андрей и его брат Максим с супругой и всеми детьми, включая нашего Тишку, улетели в Калининград на юбилей своего патриарха — деда Петра Максимовича. Меня, конечно, тоже звали с собой, даже настойчиво уговаривали, но я, признаюсь честно, струсила. Страшновато мне было предстать сразу перед всем большим кланом, хотелось для начала организовать более камерную презентацию.

Я виляла, хитрила, придумывала предлог, чтобы остаться дома, и вдруг он явился сам собой: неожиданно слегла моя тетка Вера, матушка Митяя. Лизка, конечно, заявила, что будет за ней заботливо ухаживать, у невестки со свекровью нетипично прекрасные отношения, но всем было ясно, что из беременной сиделка так себе, Лизавете и самой догляд нужен, а у Митяя служба, рабочий день ненормированный, он при всем желании двум своим любимым женщинам — супруге и маменьке — много времени уделять не сможет...

— Как жаль, Алисушка, придется тебе остаться, — вздохнул мой добрый муж, услышав и приняв все эти резоны. — Ну, ничего, ты не расстраивайся. Слетаем к предкам как-нибудь в другой раз, малым составом: ты, я и Тишка.

Как раз этот вариант меня вполне устраивал, и я, для приличия чуток поныв и похныкав,

«смирилась» с суровой необходимостью отказаться от участия в большом семейном курултае на Балтике.

И вот сегодня все остальные Соколовы улетели в свой Калининград, а я возвращалась в деревню Пеструхино — к беременной Лизке, занемогшей тетке и своему коту Шуруппаку, он же Шуруп или Шура, у которого нет никаких проблем со здоровьем, что вовсе не делает его питомцем бесхлопотным и легким в общении.

Кота я завела еще в городе.

Вернее, он сам завелся, без моего участия и одобрения.

Как-то я очень удачно попала в супермаркете на акцию с беспрецедентными скидками — магазин закрывался на реконструкцию, и абсолютно все товары продавались на сорок процентов дешевле. Устоять было невозможно, а я еще как раз зарплату получила, так что домой возвращалась с двумя увесистыми пакетами. Тащилась, буквально чувствуя, как вытягиваются под тяжестью завидной добычи руки, и думая с сожалением о забытых прекрасных традициях.

Вот зачем из нашей жизни и быта ушел такой прекрасный женский аксессуар, как коромысло?

Ходили же раньше бабоньки, элегантно водрузив на плечи расписную деревянную дугу с

изящными крючками под ведра или иную ручную кладь.

Во-первых, это было красиво.

Во-вторых, наверняка не так фатально для осанки и общей пропорциональности телосложения, как эти проклятые тяжелые пакеты, от которых руки рискуют стать длинными, а ноги кривыми.

Я прямо чувствовала, что стремительно откатываюсь по пути эволюции назад, приобретая отчетливое сходство с самкой гиббона.

Пластиковые ручки пакетов больно врезались в ладони, и я периодически опускала свою ношу на землю, чтобы потрясти руками и восстановить кровообращение — это раз, и самооценку — это два. Без пакетов я выглядела симпатичной культурной дамочкой, некоторые мужчины мне даже улыбались. Хотя помочь донести покупки никто не предлагал.

Говорю же, напрасно забыты старые добрые традиции...

В какой-то момент в один из поставленных на землю пакетов залез бездомный котенок, и обнаружила я его уже только дома, и то не сразу.

Разобрав покупки и разложив их по полочкам и шкафчикам, я спохватилась, что не нашла среди покупок итальянскую сырокопченую

колбаску-сальчичон, хотя в чеке она присутствовала.

Я уже было расстроилась, решив, что забыла колбаску в магазине, когда услышала странный звук. Он доносился из комнаты и походил на озвучку документального фильма о жизни бобров или гигантских жуков-древоточцев. Не хватало только добродушно-умильного воркования Николая Дроздова: «Своими острыми зубами эти милые создания без устали грызут...»

В комнате что-то грызли. Острыми зубами. Без устали.

Я заглянула туда — нет, телевизор не работал.

Начиная сомневаться в крепости своего рассудка, я крадучись обошла по периметру свое скромное жилище, осмотрела все его двадцать восемь квадратных метров и на одном из них, конкретно под креслом, обнаружила рыжего котенка, который слился в экстазе с колбасной палкой и самозабвенно грыз ее, урча и мурча одновременно.

Выбросить нахапенка за дверь я не смогла.

Не только потому, что выбросить его можно было только вместе с дорогой колбасой, от которой звереныш не отдирался ни в какую.

Я просто подумала: вот моя родственная душа!

Я ведь тоже очень люблю сальчичон.

Усыновленный кот был опрометчиво назван мной в честь автора древнешумерского воспитательного трактата «Поучения Шуруппака» и, похоже, ему как-то передалась страсть покойного тезки к морализаторству и назиданиям. У него что ни взгляд, то немой укор, что ни мев, то страстная проповедь...

Предвидя, что по причине позднего возвращения домой я услышу немало кошачьих ругательств, я специально, чтобы умиловать Шуру, купила в гипермаркете хвост лосося. Для моего деревенского котика это изысканное лакомство: в пеструхинском продмаге рыба представлена исключительно килькой в томате и сардиной в масле.

Вспомнив о родной деревне, я машинально поглядела в окно: там, за рекой, параллельно которой тянулась дорога, как раз лирично светились красиво размазанные снежной дымкой огни Пеструхина.

— Может, срежем уголок? — заметив, куда я смотрю, задорно предложил Митяй. — Лед окреп, проскочим мигом, через пять минут уже дома будем. И как эффектно появимся!

— Эффектнее было бы только в ступе с помелом, — согласилась я, не спеша, однако, принимать поступившее предложение.

С одной стороны, тащиться еще добрых десять километров до моста, а потом возвращаться обратно в родные пенаты по другому берегу не хотелось. По льду-то можно в момент пересечь речку и через подобие каньона на другой стороне закатиться напрямик в мой двор. Он, кстати, теперь и Лизкин, потому что мои соседи Буряковы продали часть своего участка молодой семье Синеглазовых под строительство нового дома.

С другой стороны, предложение сократить путь определенно грозило неприятностями.

В годы детства, которое у нас с братцем эпизодически было общим, это Митяево «срежем уголок» неизменно дарило нам неожиданные и неприятные встречи с шипучими гусями, кусачими собаками и бодливыми коровами. На лихо сокращенном маршруте непременно обнаруживались могучие заросли крапивы, колючие кусты, овраги и ямы. Пару раз мы так влезли в болото, однажды набрали на осиное гнездо, и еще, помню, был случай, когда я чудом не ступила в волчий капкан. В кое-что менее опасное, но очень вонючее, мы оба ступали неоднократно.

Поскольку на сей раз «срезать уголок» предлагалось по речному льду, я могла предположить, что подлунный путь наш разнообразят